

Роберт М. Прайс

Эволюция Павлова канона

Введение

Мы привыкли, рассматривая письма, приписываемые Апостолу Павлу, говорить об оправдании. Но когда мы хотим проникнуть под теологический фундамент, на котором мы стоим, деконструировать термины Павлова теологического авторитета (то есть, разобрать его и понять, как это работает), нам лучше говорить о реификации, том процессе, посредством которого подобные нам люди обретают ауру неприкосновенной святости, автономной реальности, цельности большей, чем сумма ее частей. Суббота реифицирована, когда мы начинаем забывать, что суббота создана для людей, а не наоборот. Библейский канон — классический случай реификации. Большинство студентов и обывателей весьма удивлены и, по крайней мере, немного встревожены, обнаруживая, что содержание Библии не самоочевидно, что выбор между писаниями вообще был сделан, и сделан простыми смертными, как они сами, в определенный момент истории. Как подобные вещи могут быть справедливы в отношении вечного Слова Божия?

Канон Священного Писания подобен Святому в Иерусалимском храме: он огражден от глаз смертных завесой неприкосновенности. Любопытно заглянуть внутрь, и в то же время боязно, взглянув украдкой, разочароваться, как захватчик Тит был поражен, обнаружив пустую комнату. Или, что хуже всего, позади завесы можно найти запинаящегося человечка, управляющего спецэффектами из скрытой кабины, как в Волшебнике Изумрудного Города?

Если библейский канон — Святое, Корпус Павла можно уподобить Святому Святых. Даже среди тех, для кого внешняя завеса давно раскрыта, эта внутренняя зона подлинности сохраняет свою сверхъестественную неприкосновенность. Для христианских ученых, и апологетов, и предполагаемых критиков, Послания Павла походит на метафизическое Присутствие традиционной онтоологии. Мы не можем позволить, чтобы кто-нибудь пришел и исполнил фокус Дерриды, показав нам, где швы и соединения.

И все же игра уже началась; ноги профанов шагают по священным дворам. Большую часть столетия ученые скрещивали мечи (по крайней мере, ручки, которые намного более многочисленны) по вопросу собирания посланий Павла: кто изначально собрал их, когда, где и почему? Нашей задачей будет просеять груды этих предположений (и, как напоминает нам Вальтер Шмитальс, все такие реконструкции, которые когда-нибудь могли бы появиться). В процессе мы можем почувствовать, что сидим на плохо освещенном чердаке, исследуя сбивающиеся с толку сувениры, появляющиеся один за другим из старого заброшенного морского сундука. Начнем.

Четыре Подхода

Полагаю, мы можем выделить четыре главных подхода к вопросу. Будет полезно распределить наши теории согласно расстоянию, которое они устанавливают между жизнью Апостола Павла и собиранием его писем. Эта таксономия, по общему признанию, нарушает хронологию истории науки в пользу иного вида хронологии. Но я считаю, мы немного теряем: как представляется, каждая группа теорий развивается в значительной степени автономно. Хотя одна теория могла возникнуть как реакция на другую, этот факт редко является решающим для логи-

ки каждой из них. Когда это важно, нам будет нетрудно отметить этот факт. Конечно, в пределах каждой семьи теорий мы проследим историческое развитие. Кроме того, располагая теории во временном графике от минимального до максимального интервала между Апостолом и собранием, мы сможем понять что-то важное о самих теориях, их тенденциях и мотивах.

Теории "завещания Павла"

Первый тип теории собрания, к которому мы должны обратиться, можно назвать подходом "завещания Павла". Фактически, здесь вообще нет никакого интервала между Апостолом и собранием его писем, поскольку эти ученые полагают, что они были собраны непосредственно Павлом. Самым ранним представителем этой теории, насколько я знаю, был **Р. Л. Арчер** ("*The Epistolary Form of the New Testament*", 1951-52), который доказывал, что Павел хранил копии своих посланий, и что когда-нибудь после его смерти унаследовавшие их христиане наткнулись на схему их публикации. Это намерение они позаимствовали у Сенеки, великого издателя собранных писем. В то время как Сенека осуждал публикацию строго личных писем, Цицерон, как известно, находил большую ценность в публикации даже личной корреспонденции. Посмертные поклонники Павла согласились с Цицероном, и таким образом письма Павла, и литературные послания, и личные письма, были изданы.

Дональд Гатри полагает, что Арчер преуспел, рассматривая современную практику собрания и публикации писем как фон для Корпуса Павла, но он сомневается, в какой мере ранние Павловы христиане интересовались или находились под влиянием авторов, подобных Цицерону и Сенеке. В ответ на критику Гатри можно задать вопрос, не находится ли он сам под влиянием веры Деиссмана, основанной на 1 Кор. 1:26, что ранняя церковь была босаяцким, плебейским и пролетарским движением. Недавние исследования Абрахама Малэрба могли бы убедить нас в ином. Но Гатри мог заметить, что, если "не многие" из коринфян, или Павловых христиан вообще, могли быть причислены к образованной элите, сама формулировка рассматриваемого стиха подразумевает, что немногие могли. Стоит подумать хотя бы о домовладельцах Стефане и Хлое.

Что касается интереса первых христиан к литературным светилам Сенеке и Цицерону, давайте не забывать апокрифическую переписку Павла и Сенеки. Конечно, кое-кто и до Арчера мог вообразить ранних христиан, интересующихся обоими авторами! И вспомним известный сон Иеронима, в котором его христианская совесть упрекала его за любовь к классике. Ангел, подобный ангелу Ермы, бросил в лицо Иерониму: "Ты последователь не Христа, а Цицерона!" (Можно сказать, в противоположность видению Пророка Мухаммеда, в котором ангел Гавриил настаивал, чтобы он читал стихи, хотя он был неграмотным.)

Из более поздних теорий тем же самым линиям следует теория **Давида Тробиша** (*Die Entstehung der Paulusbriefsammlung*, 1989; *Paul's Letter Collection: Tracing the Origins*, 1993). Тробиш, подобно Арчеру, заслуживает похвалы Гатри (и нашей) за то, что исследовал современные Павлу методы собрания и публикации писем, изучив много сотен посланий и собраний писем за несколько столетий, прилегающих к эпохе Павла с обеих сторон (300 г. до н. э. — 400 г. н. э.). Он отмечает, что во многих случаях первоначальное собрание писем было сделано непосредственно автором, для публикации, и это, скорее "избранные", чем "собранные" письма. Они могли быть расположены в хронологическом порядке. Но безотносительно принципа последовательности, Тробиш отмечает, что, когда после смерти автора другие предпринимали издание еще большей части его корреспонденции, дополнительные письма просто прилагались к оригинальному набору писем, а не помещались среди них в соответствии с оригинальным принципом последовательности. Новые письма соблюдали между собой тот же самый порядок, но следова-

ли за оригинальным корпусом как новый блок. Собственный выбор автора Тробиш называет "авторизованной рецензией". Посмертные дополнительные собрания могли быть изданы как отдельные тома или, если были тематически связаны с авторизованной рецензией, приложены к оригинальному объему и изданы вместе, что Тробиш называет "расширенным изданием". Наконец, писцы могли попытаться раскопать и издать все известные письма вместе в единой рукописи. Это Тробиш называет "всеобъемлющим изданием". И во всех расширенных и всеобъемлющих изданиях, утверждает Тробиш, добавленные материалы становятся продолжением, повторяя последовательный порядок оригиналов, но не смешиваясь с письмами из собственного собрания автора и оставляя неповрежденной целостность оригинала. Это можно сопоставить с сегодняшним автором, просто добавляющим новое предисловие, введение в новое издание или некоторые приложения к оригинальному тексту переизданной ранней работы, вместо того, чтобы пересмотреть и обновить его: "Что я написал, я написал".

Тробиш привлекает внимание к тому факту, что, за очень немногими исключениями, масса древних рукописей располагает письма Павла в том же, почти идеальном порядке от более длинных к кратким, за исключением Ефессянам, которое длиннее, чем Галатам, и все же следует за ним. Конечно, принцип нисходящей длины начинается вновь, как только мы достигаем Пастырских Посланий, но никто не удивляется этому, так как мы достигли новой категории — (якобы) личных писем. Но что с Посланием Ефессянам? Рассмотрев предыдущие теории, Тробиш предполагает, что было бы осмысленно, если бы Ефессянам представляло собой тот пункт, где был добавлен новый "расширенный выпуск". Из чего же состоял этот расширенный выпуск? Здесь Тробиш снимает шляпу перед Гудспидом. Ожидаешь, что Тробиш скажет (как и Шмитальс, 266), что Ефессянам вводил второе, посмертное, собрание из нескольких писем, возможно Ефессянам, Колоссянам, Филимону. Гудспид, как мы увидим ниже, предположил, что Ефессянам когда-то начинало целый корпус и в действительности было написано вольноотпущенником Онисимом в Колоссах именно для этого. Шмитальс допускает правоту Гудспида только в отношении трехчастного корпуса Ефессянам-Колоссянам-Филимону, но Тробиш более щедр, хотя и менее последователен: "Если мой анализ верен, письмо к Ефессянам функционировало как введение в расширенный выпуск тринадцати писем, потому что оно — первое письмо приложения" (1993, 101). Но трудно понять, как Ефессянам могло бы служить введением в целый корпус из тринадцати писем, если оно является пятым! Конечно, именно поэтому Гудспид поставил Ефессянам на первое место даже без какого бы то ни было свидетельства рукописей в поддержку этого.

И это не единственная проблема реконструкции Тробиша. Далеко не единственная. С одной стороны, на первый взгляд нет ничего неразумного в предположении Тробиша, что начальные четыре письма (Римлянам, 1 и 2 Коринфянам, Галатам) были собственным выбором Павла для тома избранных писем, а с Ефессянам начинается посмертное приложение. Кажется, Тробиш просто показывает, что такой сценарий, если он верен, соответствовал бы широко распространенной практике авторов, издающих свои собственные письма. Как мне представляется, это жизнеспособный аргумент критики формы. Но Тробиш оставляет неясным, были ли начальные собрания писем, к которым впоследствии прилагались дополнения, всегда или обычно собраны непосредственно самим автором. Случай писем Г. П. Лавкрафта первоначально может показаться соответствующим древней практике, как ее описывает Тробиш. Вскоре после смерти Лавкрафта два его корреспондента, Август Дерлет и Дональд Уондри, решили собрать и издать письма своего покойного друга. Лавкрафт писал неисчислимые послания фантастической длины, и поэтому Дерлет и Уондри знали, что им придется сделать выбор. Сначала они планировали один том *Избранных Писем*, но поскольку годы шли, и процесс просеивания продолжался, проект расширился до трех, а затем и четырех томов. После смерти Дерлета и Уондри Джеймс Тернер продолжил эту работу и составил пятый том. Все письма, отредактированные и сжатые

для публикации, были представлены в хронологическом порядке и опубликованы издательским домом Аркхам.

Но многие поклонники Лавкрафта не были удовлетворены, их аппетиты только возросли. Так, некоторые из них, С. Т. Джоши и Дэвид К. Шульц, обыскали архивы Университета Брауна и связывались с различными корреспондентами Лавкрафта, разыскивая еще больше писем. Их трудами было создано еще несколько томов, *Письма Лавкрафта Роберту Э. Говарду*, *Письма Лавкрафта Генри Каттнеру*, *Ричарду Серайту*, *Роберту Блоку*, и т.д. И хронологический порядок соблюден в пределах каждого такого тома Тосефты. Наконец, эти редакторы надеются однажды составить окончательные *Избранные Письма Г. П. Лавкрафта*.

Все это очень походит на рассуждения Тробиша о Павле — за исключением того, что *Лавкрафт был мертв, когда все это началось*. Мы точно знаем, что первоначальные собрания всегда были работой непосредственно автора? Тробиш не говорит, и все же, его реконструкция значительно ослаблена, если это не так.

Можно заподозрить, что основной мотив теорий «завещания Павла» — апологетический: как представляется, они призваны обеспечить ряд текстов гарантированной аутентичностью и целостностью. В конце концов, сам Павел редактировал их так же, как написал их. И здесь вспоминается о фундаменталистской апологетике всего списка канона Нового Завета в целом. Джон Варвик Монтгомери и другие утверждают, что в Ин. 16:12-14 Иисус заранее санкционировал весь канон Нового Завета так же, как в Ин. 10:35 одобрил канон Ветхого. Или думайте об аргументе Винсента Тейлора, что Синоптическая традиция должна была быть в основном устной, поскольку апостолы все еще наблюдали за развитием устной традиции. Разве Арчер и даже в большей степени Тробиш не пытаются заставить самого Павла собрать Корпус Павла (по крайней мере, *Hauptbriefe*) и этим избавить нас от неприятностей критики текста?

Кажется, эта цель не чужда Тробишу, который явно хочет возвратиться к гармонизирующему чтению не только Павла, но и Нового Завета в целом (1993, 97-98), что представляется движением к неоконсервативной герменевтике, а la Бревард Чайлдз. Но Тробиш удивляет нас, и то, что получает в подлинности, он теряет в целостности текста. Мы с удивлением обнаруживаем, что он берет лист из старой рукописи Шмитальса и разделяет коринфскую корреспонденцию не меньше, чем на семь малых писем, швы между которыми Тробиш различает, как это делает и Шмитальс, выкапывая остатки введений и окончаний писем и обозначая отрывки-отступления как редакционные примечания самого Павла. С какой стати Павел делал это, тем более что Тробиш считает, что он оставил неповрежденными основные формы Галатам и Римлянам, остается загадкой. «Смотрите, я показываю Вам тайну», — но, увы, не решение. Сомнительные манипуляции Шмитальса с различными посланиями, по крайней мере, мотивированы: редактор должен был соединить свои фрагментарные источники в католицизирующей семичастной форме. Убедительно ли это — один вопрос. Лучше ли это, чем вообще никакой причины, как у Тробиша, другой вопрос.

Особенно иронично, что Тробиш пролагает главной заслугой своей теории то, что она делает возможным гармонизирующее чтение Корпуса Павла (по крайней мере, опять же, *Hauptbriefe*, хотя он, кажется, хочет пойти дальше). Он достиг этой цели, разбивая на части коринфские письма? Или он подразумевает, что Павел хотел, чтобы письма были перечитаны, как будто сформировали один или два более длинных текста? Кажется, Тробиш не стремится к этому, но в любом случае он подорвал свою собственную цель.

Позаимствуем у Лавкрафта другую аналогию. Реконструкция Тробиша напоминает о редактировании рассказа "Герберт Вест — реаниматор". Лавкрафт написал эту историю в шести эпизодах для последовательных выпусков журнала. Таким образом, каждый эпизод начинался с краткого резюме предыдущих. Когда история, наконец, появилась в виде книги, эти краткие резюме оказались излишними. В конечном итоге, готовя текст для звукозаписи, Джеффри Комбс

решил вырезать резюме, рассудив, что, как только эти шесть эпизодов были прочитаны непрерывно, резюме стали контрпродуктивными: изначально предназначенные, чтобы помочь непрерывности чтения, теперь они разрывали ее. Но зачем Павлу понадобилось вырезать введения и окончания большинства коринфских малых писем? Это имело бы смысл, только если Павел сократил бы "Теперь, где мы были?" и "Подробнее в следующий раз". Но это не имеет ничего общего с характером большинства приветствий Павла и окончаний писем, которые у нас есть. Согласно Шмитальсу и Ноксу, введения и окончания были добавлены, возможно, чтобы превратить кучу случайных фрагментов в письма, но трудно понять процедуру, предложенную Тробишем.

Вероятно, самый интригующий аспект предложенной Тробишем версии подхода «завещания Павла» — его связь двух собраний Павла, то есть, собрания Павлом милостыни для Иерусалимских святых и собрания посланий Павла. Типично, впрочем, что Тробиш бросает это мощное семя на каменистую почву и продолжает путь. Он отмечает, что 1 и 2 Коринфянам, Римлянам и Галатам упоминают собрание милостыни, и отсюда следует, что Павел согласился на эту работу, прежде всего, чтобы примириться со святыми столпами Иерусалима, которые уже, как Кифа в Антиохии, не соблюдали их договоренности. Как следствие, он боялся, что плоды его урожая могут быть отклонены ими, могут стать яблоком раздора, а не оливковой ветвью мира. Одна цель собрания Павлом этих особых писем и посылки их в Эфес состояла в том, чтобы сохранить его точку зрения ввиду конфликта, ожидаемого в Иерусалиме. Я рассматриваю это как блестящее, хотя и не исчерпывающее, предположение. Почему Павел не должен был просто прямо написать это в единственном новом письме, используя тот же самый прямой разговор, который он использовал в Галатам? Существенно, что, в конце своей книги *Paul's Letter Collection* Тробиш ставит "вымышленное письмо покрытия", в котором Павел объясняет свою цель в компилировании корпуса. Таким образом, Тробиш признает, что некое объяснение необходимо, если его теория должна убедить, — и что Павел не писал его!

Кроме того, если действительно считать взаимосвязанность двух собраний убедительной (а она, конечно, заслуживает дальнейшего обсуждения), не следует считать это свидетельством, что *Hauptbriefe* собирал непосредственно Павел. Для Павла мотивом в сборе денег оставались проблемы между общинами Павла и еврейскими Иисус-сектантами, который изображали Павла в роли Симона Мага, нагло пытающегося купить апостольский сан за презренный металл, как доказывал Ф. Х. Баур. Легко вообразить (и это, пожалуй, все, что можно сделать), сторонников Павла собирающими письма как защиту против хулителей-эбионитов, как чуть позже кафолики сфабриковали пастырские Послания, чтобы дистанцировать Павла от хулы энкратитов (см. Dennis Ronald MacDonald, *The Legend and the Apostle: The Battle for Paul in Story and Canon*, 1983).

Теории "бумажного апостола"

Наша вторая группа теорий заставляет вспомнить изречение Бультмана, что Иисус "воскрес в кериуме", евангелии, проповедованном ранней церковью. Эти теории, к некоторым из которых Гатри применял рубрику "теории непосредственной ценности", фактически, делают Павла умершим и немедленно воскресшим в виде собрания писем, заменивших незаменимого Апостола. Так я описываю этот подход «бумажного апостола». Предлагаемый здесь сценарий очень подходит для описания происходившего в исламской традиции после смерти пророка Мухаммеда. Голос пророчества затих навсегда. Но в противоположность Моисею во Второзаконии, Мухаммед был окончательной Печатью Пророков: нельзя было ждать никакого "пророка как я", чтобы последовать за ним. Таким образом, мусульмане начали заботливо сохранять и обмени-

ваться запомненными Сурами откровения, записывая их на любых попавшихся под руку материалах, обрезках кожи, листах папируса, пергаментах, глиняных черепках и даже овечьих лопатках. Наконец, первый халиф, Абу-Бекр, повелел собрать Суры, и результатом стал корпус Корана. Таким образом, единственным преемником пророка была Книга пророка.

Адольф Гарнак (*Die Briefsammlung des Apostels Paulus*, 1926) рассуждал, что письма Павла после получения были сохранены восторженными читателями. "Разве наши сердца не горели в нас, когда он открыл нам священные писания?" Не желая дожидаться, когда Апостол пришлет другое письмо в их собственную церковь, Павловы христиане проверяли всю Павлову сеть и копировали послания друг у друга, пока каждая церковь не получила полного набора, совсем как сегодня энергичные фанаты писателя. Острая тоска почитателей Павла появилась не после его смерти. Его отсутствие при жизни, работа в других местах, вдали, уже вынуждали его почитателей составлять собрания писем, чтобы они служили бедной заменой его присутствия, как хранимая фотография отсутствующего любимого. Таким образом, когда сам Павел скончался, основа Павлова канона уже была собрана. Можно сказать, что Корпус Павла нагревался, как раз когда тело Павла остывало. Действительно, его смерть была простой формальностью: автор мертв, говорят нам Бартс и Деррида, как только произвел свой текст, который (как "опасное приложение") обретает собственную щедрую жизнь.

Гарнак был убежден в непосредственном воздействии писем четырьмя факторами. Во-первых, письма Павла воспринимаются нами как риторически и теологически мощные, и Гарнак предполагал, что древние читатели, вероятно, были столь же проницательны, как мы. И все же можно ответить, что нам не следует слишком спешить, отождествляя свои вкусы со вкусами древних. Кто-то где-то, например, думал, вероятно, что *Упанишады* или *Саддхарма Пундарика* звучат хорошо. Макс Мюллер, конечно, так не думал. Мормонские миссионеры со слезами на глазах рассказывают о согревающем сердце опыте чтения Книги Мормона, но Марк Твен счел ее "печатным хлороформом". Разве Гарнак не читал текст сквозь туман восемнадцати столетий христианского благочестия? Можно подумать о сцене в пьесе Сесила Б. Демилла *Царь царей*, когда тысячи собираются, чтобы услышать Иисуса, как будто понимают, что это их шанс услышать то, что скоро станет знаменитой Нагорной проповедью. (Эта анахроническая несовместимость производит ощущение разочарования: можно услышать это и задаться вопросом, из-за чего была вся суета).

Гарнак взял стих 2 Кор. 10:10 ("В посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна") как обозначающий, что даже противники Павла вынуждены были признать, что его письма мощны. Но разве это не указывает скорее, что Павел борется на словах и ничем не может подкрепить их? Как сам Павел говорит в другом месте: "Царство Божие не в слове, но в силе".

1 Кор. 7:17 ("Так я повелеваю по всем церквям") означало для Гарнака, что то, что Павел написал здесь, он так же написал в посланиях всем своим церквям, и это подразумевает большой объем писем. Мало того, что это — произвольное прочтение стиха, который мог просто ссылаться на устные инструкции, Гарнака не озаботило, что этот стих, вероятно, пост-Павлов, кафолицизирующая глосса, добавленная, чтобы облегчить самостоятельное использование 1 Коринфянам как энциклики. "Что я говорю Вам, я говорю всем".

Наконец, Гарнак вывел из 2 Фесс. 2:2 и 3:17, что уже во дни Павла его письма были и многочисленны, и достаточно авторитетны, чтобы вызвать дешевые подражания. Своими третьим и четвертым аргументами Гарнак ввергает себя в неприятность. Он, кажется, понимал, что, если Павел написал столь большой объем писем, какой его подразумевают аргументы, мы лишены большинства из них. Итак, Гарнак считал, что был сделан выбор, и наш Корпус Павла представляет собой цвет урожая. Но разве это представление не разрушает всю реконструкцию Гарнака? Для истинного почитателя нет избытка богатства. Скорее, он стремится сохранить лю-

бые обрывки, так же, как редактор Павловых фрагментов во 2 Тимофею в изображении П. Н. Гаррисона.

И как давно указывал Ф. Х. Баур (как будто он срубил дерево в лесу, где не было никого, чтобы это услышать), ссылки на псевдоэпиграфику во 2 Фессалоникийцам, как и требование прочесть 1 Фессалоникийцам в церкви (1 Фесс. 5: 27), являются просто примером моих четырех пальцев, указывающих назад на меня, когда одним я указываю на вас. 1 и 2 Фессалоникийцам предполагает более раннее собрание "бумажного апостола". Как известно, Гарнак был противником Баура и Тюбингена, и его апологетическую *Tendenz* не труднее выявить здесь, чем в его ранней датировке Деяний.

Дональд Гатри тоже хотел бы закрыть промежуток между Павлом и собранием его писем и этим гарантировать подлинность и целостность корпуса. (И снова не удивительно, что он одобряет теорию надежной устной традиции и ранних письменных евангелий Винсента Тейлора / Ф. Ф. Брюса, чтобы сократить этот темный и пугающий промежуточный период). Гатри воображает, что только после смерти Павла один из его партнеров, вероятно Тимофей, подумал о собрании его литературного наследия (655-657). В конце концов, Тимофей должен был присутствовать и слышать Послание к Галатам, прочитанное в его домашней церкви в Листре. И годы спустя он сам принес Павлу его чемодан, полный пергаментов и свитков, которые, возможно, были подшивкой копий его собственных посланий, а la Арчер! Ясно, что для Гатри образ Тимофея продолжал играть апологетическую роль гаранта, предназначенную ему автором Пастырских посланий (2 Тим 2:2). Конечно же, теория Гатри требует, чтобы Деяния были исторически достоверными и чтобы пастырские послания действительно принадлежали Павлу.

С версией "бумажного апостола" С. Ф. Д. Муля мы оказываемся на знакомой территории. Для Муля именно Лука написал Пастырские послания и собрал подлинные письма Павла после того, как сочинил свое Евангелие и Деяния (204). (Некоторые позднейшие ученые, например, Стивен Г. Вильсон и Джером Д. Куинн, также подтвердили общее авторство для Луки-Деяний и Пастырских Посланий, но в отличие от них, Муль изображает этого автора, как на самом деле Луку — "возлюбленного врача" и компаньона Павла).

Развивая предположения Ганса Концельмана ("Paulus und die Weisheit», *NTS* 12 [1965] 321-44) и Эдуарда Лозе ("Die Briefe an die Kolosser und an Philemon», *Meyer Kommentar IX*. 2:14, 1968), **Ганс-Мартин Шенке** ("Das Weiterwirken des Paulus und die Pflege seines Erbes durch die Paulusschule», 1975), позволяет маятнику успокоиться в середине вариантов «бумажного апостола». Сторонясь и безликого "творческого Volk-сообщества" Гарнака, и назначенного Мулем и Гатри единственного Павлова ученика, Шенке приписывает и собрание корпуса, и написание некоторых второ-Павловых посланий школе Павла, ученикам Павла, подобным анонимным собраниям Сынов Пророческих, которые продолжали традиции Илии, Елисея и Исаяи. Эти истинные сыны Апостола приняли на себя и задачу продолжения работы Павла, и покров его авторитета, поскольку заставили его голос зазвучать вновь, чтобы встретить новые вызовы и ответить на новые вопросы.

Гарри Гэмбл (1985, 39) одобряет это представление, так как оно позволяет избежать "сомнительной идеи об одном особом собирателе". Все же мы можем задать вопросом, что является настолько сомнительным в представлении о единственном собирателе? Возможно, Гэмбл (который показывает в других местах, что стесняется всех, кроме самых осторожных, предположений, не желая, например, в своей *Textual History of the Letter to the Romans* брать от данных больше тщательно ограниченного субботного пути) смотрит свысока на "соблазн индивидуальности", вызванный выбором единственного имени, такого, как Лука, Тимофей или Онисим. Или, что более вероятно, он находит теологи-

чески неприятной потаенную идею о Маркионе — "втором основателе паулинизма" (см. ниже).

Изображение возрожденного Павла в его сочинениях особенно близко к теории Шенке:

Они были озабочены живым Павлом, его работой и его словом в настоящем, памятью о нем и его продолжающейся работой среди них, работой и учением странствующих, общепризнанных представителей Павла, их работой в церкви, которая могла быть далеко протянувшейся рукой Павла, и всем, что было связано с Павлом. (511)

И хотя сам Шенке не приводит в качестве аналогии пророческие школы Ветхого Завета, я полагаю, что это сравнение очень полезно, поскольку призывает нас понять Корпус Павла (как это сделал Маркион) как частный канон, сектантское священное писание особой христианской группы, школы Павла, подобно сборнику Исаяи, который содержит не только оригинальные оракулы Исаяи из Иерусалима, но также и второ- и третье-Исайю, приложения его наследников. И так же, как в каноне Исаяи, где (a la Пол Хансон, *The Dawn of Apocalyptic*) мы находим внутриканонические противоречия (ср., Käsemann "The Canon of the New Testament and the Unity of the Church"), так же мы повсеместно находим противоречия Павла с второ-Павлом.

Живущий Павел, продолжающий, на самом деле, писать перьями школы Павла, — очевидно, близнец Воскресшего Христа, того, самозванным пророкам которого Бультман (и многие другие, вплоть до Вэйна Боринга) приписали многие из апокрифических высказываний Иисуса. Но, по крайней мере, "Воскресший Павел Шенке", который таким образом живет на в *Geschichte*, жил предыдущей жизнью в *Historie*. ("Если же и знали [Павла] по плоти, то ныне уже не знаем").

Но затем мы приходим к намного более старой теории школы Павла, которая, конечно, буквально соответствует названию "бумажный апостол". **В. К. Ван Манен** был самым крупным из голландских радикальных критиков, которые стремились довести до логического заключения (некоторые, но не я, скажут *довести до абсурда*) критическое понимание Баура и Тюбингенской школы. Ван Манен, вместе с Алардом Пирсоном, С. А. Набером, А. Д. Ломаном, и их предшественником Бруно Бауэром (всех их Ф. Х. Баур отвергал, как Лютер отверг Швенкфельда и *Schwärmerei*) отрицал подлинность каждого отдельного письма Павла. Место не позволяет привести замечательные и зачастую сильные аргументы, выдвинутые Ван Маненом. Удовлетворите это, чтобы сказать единственное "опровержение", которое они когда-либо предоставлялись, был тот из холодного приема. (Для большего количества деталей, см. английские сочинения Ван Манена в Ссылках; также диссертацию Детеринга 1991 года *Paulusbrieve ohne Paulus?*)

Ван Манен не видел никакой причины сомневаться в существовании Павла как раннего христианского проповедника (чей подлинный маршрут, как он думал, был сохранен в Деяниях), но считал, что так называемые Послания Павла имели такую же небольшую связь с этим ранним апостолом, какую так называемые письма Иоанна и Петра имеют со своими исторически неясными тезками. Послания, доказывал Ван Манен, демонстрируют унифицированное и философствующее направление, невероятное для апокалиптической секты Иисуса, изображенной в Деяниях или Евангелиях. Ближе всего они к нарождающемуся сирийскому гностицизму. И при этом они не представляют мысли одного богослова (вопреки единому "Paulus Episcopus" Пирсона и Набера). Скорее, в Посланиях Павла мы слышим внутренние схоластические дебаты между различными крыльями паулинизма. Бог, в конце концов, отверг еврейский народ или нет? Подразумевает ли благодать либертинизм, как считают некоторые? Некие проповедуют обрезание от имени Павла? Могут ли женщины пророчествовать?

Ван Манен помещает дом паулинизма в Антиохии или, возможно, в Малой Азии, где он

возник в конце первого столетия или начале второго и процветал около 150 года ("Paul", 3634). Фрагменты писем этого гностического Павлова круга позднее были собраны в известные послания, и все они в своей существующей форме являются редакционными композициями, в конце получившими кафолицизирующее оформление. "Мы не знаем, ни кем это собрание было сделано, ни насколько глубоко повлияла его работа на традиционный текст. Мы можем предположить, что, вероятно, она привела к некоторым изменениям. Возможно, полностью собрание не было работой одного человека, но возникло постепенно через дополнения" ("Old-Christian Literature», 3482). Как и сами послания.

Теория Ван Манена тяготеет к другим, которые мы собрали в подходе «бумажного апостола», хотя бы потому, что, как и они имеет тенденцию минимизировать временной интервал между написанием писем и их собранием. Но в этом случае и написание, и собрание приходится на начало второго столетия.

Теории "снежного кома"

Мы находим намного меньше разнообразия среди теорий, некоторые из которых Гатри группирует под заголовком "теории частичных собраний". Я, однако, предпочитаю спецификацию Муля:

медленный, анонимный процесс увеличения, теория снежного кома. То есть мы должны предположить, что общение между паулинистскими центрами постепенно приводило к обмену копиями писем, пока в каждом из этих центров оказывалось не только письмо или письма, первоначально посланные в него, но также и копии всех остальных, собранных из других Павловых Церквей. Таким образом, в каждом центре появлялись небольшие гнезда писем, и постепенно они уходили в более широкое обращение и умножались, пока полное число, как мы знаем его, не было достигнуто. Тогда оставалось лишь создать аккуратное "издание" всего корпуса. (203)

Кирсопп Лейк сказал то же самое в 1911 году (*The Earlier Epistles of St. Paul*): "Маленькие и частичные собрания появились в различных центрах прежде, чем Корпус в его законченной форме полностью заменил их" (в Mitton, 16). Подобно и Зунтц (*The Text of the Epistles*, 1953) предполагает, что "меньшие собрания, возможно, были сделаны в Эфесе и вокруг него" (резюме Гатри, 646).

П. Н. Гаррисон заметил, что коринфская корреспонденция сама по себе была неким "собранием Павла", состоящим из фрагментов. К этой первой антологии Павла затем было добавлено Римлянам, а позднее и македонское собрание, состоящее из Филиппийцам и Фессалоникийцам. Вместе они сформировали "европейский Корпус". В Малой Азии также сформировалось собрание, состоящее из Галатам, Колоссянам, Послания Фебе (Рим 16) и Филимону. [Я могу воспользоваться этой возможностью, чтобы предложить, чтобы Рим. 16, когда рассматривается как отдельный документ, впредь упоминалось как "Феба" или "Послание Павла к Фебе"?]. Как только они были прибавлены к европейскому Корпусу, некий асийский христианин сочинил на основе всех остальных Ефессянам (239-240).

Лусетта Маури видит это так же: "Мы можем выделить три таких области, каждая со своим собственным объемом материала: внутренние районы Малой Азии, с Галатам, Колоссянам и Филимону; Македонию, с 1 Фессалоникийцам и Филиппийцам; и Ахайю с Коринфянам и Римлянам" ("The Early Circulation of Paul's Letters», 1944). Хотя в другой связи я обращусь к нему позже, здесь, вероятно, я должен включить Вальтера Шмитальса ("On the Composition and

Earliest Collection of the Major Epistles of Paul" (1960, rev. 1965)), так как он понимает Ефессянам, Колоссянам и Филимону как отдельное асийское собрание, только впоследствии присоединенное к семичастному собранию (1 и 2 Коринфянам, Галатам, Филиппийцам, 1 и 2 Фессалоникийцам, Римлянам).

Каково различие между теорией «бумажного апостола», как у Гарнака, и теорией «снежного кома»? Просто временной интервал. Теории «снежного кома» не могут допустить ни столь раннего собрания, как постулирует Гарнак, ни такого позднего собрания *ex nihilo*, как устанавливает Гудспид (см. ниже). Собрание осуществлялось достаточно поздно, говорит теория «снежного кома», но мы можем увидеть недостающую эволюционную связь, устанавливая частичные собрания, подобно тому, как маленькие многоклеточные существа соединяются, чтобы сформировать более сложную медузу. Но задумаемся о том, как мы получили многоклеточные существа? Как они развивались от одноклеточных тварей? Развитие теории «снежного кома» дает ответ.

Маури, Нильс Даль ("The Particularity of the Pauline Epistles as a Problem for the Ancient Church", 1962) и другие собрали свидетельства, что различные Послания Павла должны были циркулировать среди церквей в период между их появлением и формированием местных собраний, созданных и из окружных посланий, и из местных, ранее не распространявшихся писем. Есть копии Римлянам без адресата и рукописи, в которых отсутствуют две заключительные главы. Лайтфут, сообщает Даль, уже стремился сопоставлять эти текстовые данные, предполагая, что Павел отсылал копии ранних писем, опуская личное и просто местные проблемы, различным из своих церквей. Лейк надевает обувь на другую ногу и предполагает, чтобы Павел добавил специфические особенности к более раннему окружному посланию, превратив его в наше Римлянам (Даль, 1962, 269).

Известную кафолицизирующую глоссу в 1 Кор. 1:2b ("...со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас") Шмитальс, вслед за Иоханнесом Вайсом, объявил свидетельством, что 1 Коринфянам когда-то начинало Корпус Павла. Но Даль рассудил, что это можно понять более естественно (наряду с другими глоссами в 7:17; 11:16; 14:33) как облегчение использования 1 Коринфянам отдельно, в качестве окружного письма. (Я пошел бы еще дальше в направлении, указанном теми, кто рассматривает это послание как ряд фрагментов и сравнивает 1 Коринфянам и его многочисленные переходы "теперь о" с Дидахе, где такие фразы — явно механические введения [как "тотчас" редактора Марка] к новым темам в общем церковном наставлении, каковым я и считаю Коринфянам).

Пространственный эпилог Римлянам (Рим 16:25-27) также может пониматься, как способ приспособить Римлянам для более широкой аудитории. Шмитальс, как и Вайс, использует это как свидетельство, что Римлянам закрывали семичастный корпус. Возможно, так и было, но это представляется излишней гипотезой, совсем как популярное толкование Откр 22:18-19, как предупреждения, относящегося ко всей Библии.

Маури отмечает, что адрес Галатам, к "церквям Галатии", даже если он подлинный, уже сделал это послание больше, чем местным достоянием. 2 Фессалоникийцам она считает более поздней псевдонимной энциклопедией, предназначенной для охлаждения преждевременного апокалиптического пыла, зажженного 1 Фессалоникийцам. Фактически, изготовление 2 Фессалоникийцам было бы симптоматическим для всей ситуации, как ее видит Маури: поскольку живой голос харизматического пророчества стих, понадобилось письменное слово, чтобы заполнить пустоту.

Ефессянам, также без адресата в самых ранних рукописях, является, очевидно, другим идеальным кандидатом на роль окружной, универсализованной редакции Колоссянам.

Вальтер Бауэр (*Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity*, нем. 1934, англ. 1971) уже давно утверждал, что единственное послание Павла, на которое у Мужей Апостольских есть оп-

ределенные аллюзии, — 1 Коринфянам: "всякий раз, когда мы переходим с топкой почвы "реминисценций" и "аллюзий" на более устойчивую территорию, вновь и вновь мы сталкиваемся с I Коринфянам" (219). Почему? Как поясняет 1 Климента, потому, что оно было полезно, чтобы сражаться с еретиками и схизматиками, противниками нарождающейся римской ортодоксии. Окружное использование 1 Коринфянам, которое доказывают Даль и Маури, полностью соответствует тезису Бауэра.

Откуда же 2 Коринфянам? Маури считает его вторичным собранием фрагментов, призванным дополнить предшествующее. "Своим сложным характером II Коринфянам обязано желанию произвести нечто аналогичное I Коринфянам. Если это предположение весома, следует прийти к выводу, что I Коринфянам, по крайней мере, уже распространялось в местном масштабе до того, как собиратель начал свою работу" (81). Маури, кажется, предполагает, что фрагменты, использованные, чтобы собрать 2 Коринфян, были получены из архива коринфской церкви. Но это не обязательно так. "2 Коринфянам" могло бы просто обозначить "продолжение к I Коринфянам", так же, как и 2 Фессалоникийцам, по ее теории являющееся просто псевдонимным продолжением.

В зависимости от того, какой гностицизм, протогностицизм, или гностицизирующий паулинизм можно различать в 1 Коринфянам (и я все еще думаю, что случай Шмитальса довольно хороший), можно даже пересмотреть одно из очаровательных предположений Симоны Петремен (*A Separate God*): то, что есть некоторая связь между "коринфянами" и "керинфианами". Она думает, что "Керинф" походил на "Эбиона", неисторического основателя-эпонима, и был установлен ересиологами, в данном случае, для гнозиса, первоначально связанного с Коринфянами. Я развернул бы это, реабилитировал Керинфа и задался бы вопросом, обращены ли антиеретические "коринфские" послания против иудейских гностиков-керинфиан. Зная, что исторический Павел жил раньше деятельности Керинфа, его нельзя заставить обратиться непосредственно к нему, но некоторые читатели могли воспользоваться намеком, так же, как они сделали подмигивающую ссылку на *Антитезы* Маркиона и еретический *гнозис* в 1 Тим 6:20.

Мы можем воспользоваться рассуждениями Маури о 1 и 2 Коринфянам и для того, чтобы пролить свет на происхождение апокрифического 3 Коринфянам. Автор Деяний Павла тщательно строил вымышленное *Sitz-im-Leben* для письма, когда выбирал включать это в свой рассказ, но его предыдущее обращение, как оно оправдывало название? Какова была его связь с Коринфом? Вероятно, ее не было. Но это была попытка создать третье антиеретическое письмо, а значит, — "Коринфянам". На самом деле, поскольку Деяния Павла вообще лишены определенных намеков на любые канонические Послания Павла (даже Иконийские Блаженства — независимое отражение материала, общего с 1 Коринфянам, как я пытаюсь продемонстрировать в своей работе "The Acts and Apocalypses of Paul: Do They Know the Pauline Epistles?"), я подозреваю, что 3 Коринфянам было единственным письмом "Павла", доступным автору Деяний Павла. И это не случайно. 3 Коринфянам, которое во многом читается как краткий апокриф Лаодикийцам, является литературным монтажом фраз, украденных из канонических текстов Павла. Я полагаю, что 3 Коринфянам было местной попыткой вытеснить и заменить собрание Павла, которое, как полагают Вальтер Бауэр и Гудспид, было отождествлено с еретиками, которые так его любили.

Теории "Второго пришествия"

Как уже упоминалось, Э. Дж. Гудспид и Вальтер Бауэр (вместе с Гансом фон Кампенхаузенем и другими) утверждали, что в течение второго столетия мы сталкиваемся с абсолютной тишиной о посланиях Павла. Юстин Мученик в своих пространственных сочинениях не упоминает о Павле никогда. Даже упомянутый различными авторами, Павел не обладает никакими

отличительными признаками, о которых стоило бы говорить, и остается бледной тенью и послушным лакеем Двенадцати, как в Деяниях. Когда Игнатий, Поликарп и 1 Климента (по моему, слишком беспечно принятые за подлинные письма второго столетия) ссылаются на письма Павла, они, как отмечает Бауэр, похожи на плохо подготовленного студента, пытающегося принять участие в обсуждении книги, которую забыл прочитать. 1 Климента (47:1) полагает, кажется, что было всего одно письмо Павла в Коринф. Игнатий (Еф 12:2) вообразил, что Павел восхвалял ефесян в каждом из своих посланий. Поликарп думал, что было несколько писем в Филиппы (Фил 3:2) и что все письма Павла упоминали превосходных филиппийцев (11:3). Особые усилия Андреаса Линдемманна (например, Lindemann, "Paul in the Writings of the Apostolic Fathers", в Babcock [редактор] *Paul and the Legacies of Paul*, 1990, 25-43), пытающегося истолковать эти странные упоминания и найти какие-нибудь цитаты Павла для этих писем, только подчеркивают затруднительность его положения.

Гудспид также видел период пренебрежения литературным наследием Павла, только поместил его раньше, между смертью Павла и собранием корпуса приблизительно в 90 году. Бауэр видел церковь в роли Петра, отрекающегося от своего Господа, когда Его популярность уменьшилась, или, наверное, лучше, в роли надменных книжников, избегавших Иисуса потому, что не любили шуштуру, с которой Он связался. Гудспид, со своей стороны, уподобил церковь, которая пренебрегла Павлом, тому "злому ленивому рабу", который зарыл ценный талант в землю. Бауэр согласился бы с этим. Неявно из его теории вытекает также, по словам Джона Нокса, что для Павла никогда не было главным то, что публикация его писем дала ему посмертно. В любом случае, согласно Бауэру, Гудспиду, Ноксу и С. Лесли Миттону, влияние к письмам Павла пришла не сразу. И затем, усилиями одного единственного человека, первого собирателя Посланий Павла, "Павел становится литературным влиянием" (по словам А. Е. Барнетта, ученика Гудспида, как и Нокс). Мы можем назвать это подходом "второго пришествия".

Сущность широко обсуждавшейся теории Гудспида понять нетрудно. Восприняв ранее выдвинутую Иоханнесом Вайсом ("Der erste Korintherbrief", Meyer Kommentar V 1910; *Das Urchristentum* 1917, 534), и Адольфом Юлихером идею, что Ефессянам было написано первым редактором Павлова собрания, Гудспид утверждал, что влияние Павла заглохло, пока публикация Деяний Луки не пробудила интереса к великому Апостолу повторно. Это случилось приблизительно в 90 году. Кто-то в Эфесской церкви (Гудспид назначает на эту роль Онисима), прочитал Деяния и восхитился деяниями благовестия человека, которому был стольким обязан. Если бы этим читателем был Онисим, как впоследствии с некоторой изобретательностью доказывал Джон Нокс (*Philemon Among the Letters of Paul*, 1935), он должен был благодарить Павла и за свою свободу, и за свою христианскую веру. В любом случае, Гудспид изобразил человека, который бережно хранил принадлежавшие его церкви копии Колоссянам и Филимону. Чтение Деяний заставило его заинтересоваться, не могло ли еще больше таких эпистолярных драгоценностей храниться в различных церквях, об апостольском основании которых он прочитал в Деяниях. Таким образом, он вознамерился пройти по следам Павла, и его догадка подтвердилась.

Действительно, церковные писцы в Риме, Коринфе, Фессалониках, Галатии и Филиппах сумели найти копии, томившиеся под старыми церковными гробами, списками членов и конспектами уроков для воскресной школы. Они сдули пыль и отдали их. Подобно новому владельцу скрытого на поле сокровища, Онисим (или кто бы то ни было) пошел, радуясь по пути. Вернувшись к своему исследованию, он обдумывал вопрос, как разделить открытие с широким христианским миром, но не был уверен, как лучше сделать это. Наконец, он пришел к идее издать собрание писем и написать своего рода обзор взглядов Павла, новое Колоссянам, но расширил его драгоценностями из Септуагинты и других писем Павла, чтобы оно служило введением в целое. У этого нового послания не было никакого названия. Но видя, что оно издано в Эфесе и начало распространяться оттуда, люди, в конечном счете, приняли его за подлинное по-

слание и просто предположили, что оно было отправлено Павлом по почте в тот город, откуда появилось. Так оно стало известно как Послание к Ефессянам.

По существу, Гудспид приписал Онисиму собственную роль восстановления и широкого распространения забытой работы благородного предшественника (в случае Гудспида, Иоханнеса Вайса и его теории о Ефессянам и Корпусе Павла). Какое свидетельство заставило его сделать этот вывод? Гудспид заметил, что христианские писания, датирующиеся ранее приблизительно 90 года, не предоставляют никаких свидетельств знакомства с письмами Павла или их влиянием. Здесь Гудспид думал главным образом о Синоптических Евангелиях. Но после 90 года длинная тень Павла падает на весь литературный пейзаж. Его идеи отзываются эхом на страницах Евреям, 1 Климента, 1 Петра и Евангелия Иоанна. Внезапный наплыв посланий и особенно семичастных собраний посланий (Откровение 1-3; Игнатий, Дионисий Коринфский), засвидетельствовал большое воздействие писем Павла, организованных относительно семи церквей, с коринфскими соединенными или, по крайней мере, считаемыми вместе письмами, аналогично фессалоникийскими, и даже с Филимону, объединенным с Колоссянам.

Что же случилось приблизительно в 90 году и смогло вызвать такое неожиданное изменение? Одно, — говорит Гудспид, — публикация Деяний Апостолов. Она стала катализатором для публикации Корпуса Павла. Это главная линия аргументов Гудспида. Несколько проблем стали очевидными сразу, и критики не замедлили указать на них. С одной стороны, степень влияния Павла на тот или иной документ зависит в значительной степени от взгляда наблюдателя. Ральф Мартин не без оснований считает Марка паулинистским Евангелием. И откуда разговор "об оправдании" и "том, чтобы быть оправданным" у Луки? И не Павел в поле зрения в Мф 5:17-19? С другой стороны, является ли Евангелие Иоанна уж настолько Павловым?

Та же самая проблема возникает и относительно дат Гудспида. Гатри думает, что Гудспид датирует все слишком поздно. Мои возражения противоположны. Почему бы не датировать Евангелия чуть ранее середины второго столетия? А Деяния даже собственный ученик Гудспида Нокс помещает как раз перед 150 годом. (Хотя в других местах Нокс следует за Гудспидом так же преданно, как Онисим следовал за Павлом, он не считает, что Онисиму нужно было прочитать Деяния, чтобы подвигнуться собрать послания.)

И семичастные собрания: нужно было смошенничать (как подчеркивает Шмитальс), чтобы соединить Филимону с Колоссянам. И разве необходимо, чтобы Иоанн Патмосский воспринял идею семи писем именно от Павла? Апокалипсис кишит семерками (как отмечает Гатри против Гудспида), и даже Гудспид не посмел утверждать, что Иоанн позаимствовал их все у Павла.

Маури думает, что Гудспид превратил Онисима в Тишендорфа первого столетия, путешествующего по экзотическим местам по горячим следам редкой рукописной находки. Очевидно, тонкое замечание Тиррелла об искателях исторического Иисуса девятнадцатого столетия не менее применимо к искателям происхождения Павлова собрания: они заглянули в глубокий колодец и увидели только отражения своих лиц. И Ф. Ф. Брюс, несомненно, прав, когда отклоняет все это как "романтическое приукрашивание" (в Patzia, 88). Определенно, это позаимствовано из того же самого ресурса, что и принадлежащая отцам церкви беллетристика о евангелисте Марке, являвшемся мажордомом Петра, или Луке в Павловой церкви ("что за чушь, Павел, я — врач, а не церковный историк!").

Гудспид, Нокс и Миттон с удовольствием указывают на тезис Вальтера Бауэра, чтобы усилить свое утверждение о периоде пренебрежения Павлом, но Бауэр имел в виду совсем другого кандидата на роль герольда второго пришествия Павла: Маркиона Понтийского, второго основателя Павлова христианства. "Я счел бы его первым систематическим собирателем наследия Павла" (221). Это мнение, по Гудспиду, едва ли было беспрецедентным. Ф. С. Буркитт отважился на это же научное предположение:

Когда... мы рассмотрим особый интерес Маркиона к Св. Павлу, он был, согласно Маркиону, единственным, кто понял учение, которое Иисус принес человечеству; и если, далее, мы вспомним, что Маркион возможно, был намного большим путешественником, чем любой другой христианин второго столетия, а потому имел больше возможностей для собирания посланий, чем большинство его современников; рассматривая это, мы можем позволить себе задаться вопросом, возможно ли, что Маркион не был первым, кто занялся регулярным собиранием Посланий Павла. (318-319)

(И Бауэр и Буркитт, между прочим, признавали, что, по крайней мере, 1 Коринфянам широко циркулировало, вероятно, еще до собрания Маркиона.)

Джон Нокс, защитник Гудспидова Онисима как первого собирателя, кажется, понимает, что должен следовать за лидерством Бауэра. В конце концов, в своей отвергнутой книге *Marcion and the New Testament* (1942) он демонстрирует разумность защищавшегося Ф. Х. Бауром, Ричлем, Фолькмаром и Гильгенфельдом представления, что Евангелие Маркиона было не сокращением канонического Луки, а скорее более скромным сокращением краткого *Ur-Lukas*, впоследствии, во втором столетии, использованного также автором/редактором канонических Луки-Деяний (Нокс, 1942, глава IV). Среди прочих аргументов Нокс демонстрирует, как четко темы (канонического) Луки и его излюбленный словарь плотно сконцентрированы в особом материале Луки, не совпадающем с текстом Маркиона (по цитатам отцов церкви), но практически отсутствуют в материале, общем для текстов Маркиона и канонического Луки. Иногда не принадлежащие Луке синонимы появляются там, где канонический Лука пользуется своими излюбленными словами, и ни один из них не имеет никакой мыслимой теологически-полемической обусловленности (то есть, Маркион не изменил бы их, поскольку они — всего лишь разновидность стилистических изменений, которые Лука регулярно делает в своем *Vorlage*).

Короче говоря, Нокс убедительно, по многим линиям, доказывает, что Лука-Деяния были ответом ортодоксов второго столетия на *Апостоликон* Маркиона. Канонический Лука был кафолицизирующим расширением того же самого *Ur-Lukas*, который Маркион немного сократил, в то время как Деяния были санитиванной заменой для Маркионова Корпуса Павла. Так, они представляет Павла, который, хотя и прославлен, но поглощен, став простым нарциссическим отражением Двенадцати, — и который не пишет никаких посланий, но только доставляет послание от Иерусалимских апостолов! Нокс рассматривает реконструкцию писем Павла (одомашненных с помощью "опасного приложения" Пастырских посланий) и добавление трех других Евангелий и нескольких не Павловых посланий, короче говоря, все формирование канона Нового Завета как ответ на вызов Маркиона и маркионитской церкви.

В свете всего этого, почему же Нокс не оставляет Гудспиду, как Андрей и его друзья оставили Иоанна Крестителя, и не присоединяется к Бауэру? Есть четыре причины. Во-первых, он полагает, что кафолическое собрание Павла отражает текст, отличный от текста Маркиона, и, таким образом, должно быть основано на другой версии Корпуса, уже доступной ранее Маркиона. Но, с одной стороны, сам Нокс признает, что мы не можем знать наверняка, как Маркион читал текст, так как мы читаем это через толстые линзы кафолических апологетов. И они, в свою очередь, возможно, читали уже развитый пост-Маркионов текст, принадлежавший маркионитской церкви или секте Апеллеса. С другой стороны, почему бы не предположить, что противники Маркиона просто отреагировали на собрание Маркиона, создавая свое собственное собрание писем Павла из различных источников? Как мы уже видели, вполне вероятно, что, если хорошенько поискать, можно было найти тексты 1 Коринфянам, Римлянам и, возможно, любые другие. Даже Бауэр не требует, чтобы мы считали, что до Маркиона ни у кого не было доступа к посланиям Павла, как будто он обнаружил их в пещере Кумрана. Если бы кафолический

Корпус Павла был контр-собранием (не только тем же самым собранием текстов, но и восстановлением пропусков Маркиона), тогда вопрос различной традиции текста не должен был бы слишком волновать нас. Нокс представляет, что теория Бауэра требует, если можно так выразиться, кафолического издания Revised Standart Version, тогда как, возможно, новый кафолический корпус был создан так же легко, как Иерусалимская Библия.

Второй довод Нокса, чтобы отклонить Маркиона как первого собирателя — то, что он, вопреки Бауэру, полагает, что Мужья Апостольские действительно были знакомы с различными письмами Павла. Единственный способ уладить это состоит в том, чтобы сравнить каждую вообразимую аллюзию с соответствующим текстом Павла и задаться вопросом, не имеем ли мы дело скорее со сходным фразеологическим оборотом или частью общего церковного жаргона. По общему признанию, Поликарп действительно полон паулинизмов, но и в этом случае аллюзии предполагают слишком многое. При ближайшем рассмотрении Поликарп оказывается едва ли чем-то большим, чем неуклюжей и бессмысленной подделкой, составленной из Павловых и пастырских формул. Написать это мог любой, но, конечно, можно было бы ожидать, что у великого Поликарпа было, что сказать самому. Это — всего лишь вялые уступки церковной традиции, которая заставляет ученых "критиков", утомленных дебатами о подлинности Павла, принимать послание Поликарпа к Филиппийцам за чистую монету. (И вспомните о "1 Климента", столь же анонимном, как Евреям!) Таким образом, Нокс должен был подумать дважды, прежде чем отвергнуть Бауэра, призвав на помощь Поликарпа.

Нокс не мог представить, что собрание имело место так поздно, поскольку Ефессянам уже предполагает другие девять писем. Но Р. Йозеф Гофман (*Marcion: On the Restitution of Christianity*, 1984), весьма убедительно утверждает, что "Лаодикийцам" было не просто маркионитским названием для знакомого нам Ефессянам, а более ранней маркионитской версией. Точно так же, как канонический Лука — кафолицизирующая, антимаркионитская версия *Ur-Lukas*, согласно Гофману (современный последователь книги Нокса о Маркионе), каноническое Ефессянам — кафолицизирующая переделка маркионитского оригинала Лаодикийцам. И это Лаодикийцам было работой непосредственно Маркиона (274-280). (Как и с аргументацией Нокса о Луке, Евангелии Маркиона и *Ur-Lukas*, перед вынесением суждения нужно заняться обширным истолкованием Гофмана. Адекватно изложить его здесь невозможно.)

Интересно отметить, что Ван Манен поставил почти тот же самый диагноз:

Галатам (в котором мы читаем о столкновении между Павлом и Иерусалимскими столпами, поразительно напоминающем столкновение Маркиона с римской церковной иерархией!) сначала было маркионитским текстом, позже кафолицизированным противниками, которые скрывали следы этого, обвиняя Маркиона в сокращении ("Paul", 3627).

Идентификация Маркиона, как, вероятно, первого собирателя, в целом отвергнута, хотя, что курьезно, с доводами, практически противоположным доводам Нокса. Он чувствовал, что различие между текстом Маркиона и кафолическим изданием Павла подразумевало, что Маркион, возможно, выбрал одно из нескольких уже доступных изданий Корпуса. Но ученые, включая Нильса Даля ("The Origin of the Earliest Prologues to the Pauline Letters", 1978) и Жана Дж. Клабо (*A Lost Edition of the Letters of Paul*, 1989) думают, что нашли свидетельство широко распространенной традиции текста, к которой, как представляется, принадлежит и текст Маркиона. Другими словами, теперь сходство текстов Маркиона с немаркионитскими текстами Павла позволяет устранить его, как первого собирателя. Как все обернулось? Теперь это вопрос не только текстуальной связи или различия. Мы уже предположили, что доступность нескольких различных копий отдельных писем Павла позволила бы различным собраниям одних и тех же документов отражать различные потоки традиции текста. (И, безусловно, большая часть

ценного исследования Клабо просто укрепляет это заключение: не удивительно, другие издания Павла вытекали из тех же самых текстовых потоков, что и издание Маркиона).

Новый фактор — возможность, что собрание Маркиона было просто отредактированной версией Корпуса Павла, уже расположенного в том самом отличительном порядке, который сочли новшеством Маркиона: сначала Галатам (ничего удивительного, если он сам и написал его!), затем 1 Коринфянам, 2 Коринфянам, Римлянам, 1 Фессалоникийцам, 2 Фессалоникийцам, Лаодикийцам/Ефесянам, Колоссянам, Филиппийцам, Филимону. Этот порядок, или нечто подобное, засвидетельствован только в двух других местах: в так называемых маркионитских Прологах, и в Старом Сирийском каноне, как он засвидетельствован у Ефрема и в списке канона конца третьего столетия. Если бы можно было показать, что эти случаи не происходят от *Апостолика* Маркиона, мы могли бы рассматривать их, как свидетельство более широко распространения издания Корпуса с такой последовательностью. Даль, опираясь на аргументацию Германа Йозефа Вреде (*Altlateinische Paulus-Handschriften*, 1964), пытается изолировать оба источника от Маркиона. Его доказательства сосредотачиваются на теологической направленности Прологов.

Два главных аргумента Даля, это, как мне представляется, во-первых, что "лжеапостолы", повсюду в Прологах осужденные как противники Павла, не должны быть иудаизирующими Двенадцатью из маркионитской полемики и, во-вторых, что Павел изображен в Прологах не как единственный подлинный апостол. Я думаю, что он не прав, по крайней мере, совершенно не убедителен, в обоих случаях.

Во-первых, лжеапостолы в Коринфе, как сказано, представляют собой "секту иудейского Закона" (*secta [-am] legis Judaicae*). Само по себе это могло бы означать многое, но Пролог к Римлянам говорит о неосторожных, соблазняемых лжеапостолами "к Закону и Пророкам" в противоположность "истинной Евангелистской вере". Попытка Даля уклоняться от силы оппозиции "Закона и Пророков против Евангелия" — явно преднамеренная защита (260). Если автор Пролога не был маркионитом, он нашел забавный способ показать это.

Даль также думает, что коринфский Пролог изображает Павла, борющегося на двух различных фронтах, против двух различных групп лжеапостолов, одна из которых специализируется на "иудейском Законе», в то время как другая занимается "многословным красноречием философии". Но это просто отражает содержание самих коринфских писем (чтобы воспользоваться наблюдением Даля о Прологе к Галатам) и никоим образом не означает, что автор Прологов не рассматривал коринфских противников Павла как Иерусалимских столпов. В конце концов, Ф. Х. Баур думал так же.

Что касается возможности, что Пролог к Коринфянам благоприятно отзывается о других апостолах помимо Павла, здесь есть небольшое разночтение. Читая, что Коринфяне "услышали слово правды от апостолов", множественное число, *ab apostolis*, Даль делает критический выбор текста. Множество рукописей действительно сохраняют это чтение, но в других, как читает Нокс, находится единственное число, *ab apostolo*, "от Апостола". Ввиду того факта, что единственное число (*ab revocat apostolus*) содержится также в конце коринфского Пролога, наиболее вероятно, что выбранное Далем множественное число — ортодоксальное, кафолицизирующее "исправление". Мотивы самого Даля, пытающегося прочитать Прологи как одобрение Кифы и Аполлоса рядом с Павлом, очевидно, те же самые (259).

Если Прологи склоняются на сторону Маркиона, их порядок должен считаться происходящим от *Апостолика* Маркиона. А как быть со Старым Сирийским каноном? Об этом Даль говорит:

Расположение писем в Старой Сирийской версии кажется объединением поряд-

ка как у Маркиона и в Прологах для первых четырех писем и порядка, более сходного с большинством наших греческих рукописей, для остальных. Текстовые сходства не настолько поразительны, чтобы предположить маркионитское влияние на Старую Сирийскую версию Павла. (254)

Другими словами, свидетельство текста не является окончательным. В таком случае, почему принимают просто, что был "порядок как у Маркиона", и не собственно порядок Маркиона?

Маури (80) принимает большую часть реконструкции Гудспида, за исключением того, что заполняет туннельный период, как мы видели, обращением отдельных посланий. Что до Маркиона, Маури выдвигает гипотезу, что он получил копию составленного Гудспидовым Онисимом десятичастного (или семи церквям) Корпуса, но, узнав о более ранних версиях отдельных писем, приобрел их и предпринял на их основе свое собственное критическое издание. Это объяснило бы использование Маркионом краткого окончания Римлянам, окружной версии. Но если есть серьезные основания считать Маркиона первым собирателем (и вместе с Буркиттом и Бауэром мы можем спросить, кто мог бы быть более очевидным выбором?), почему просто не поставить реконструкцию Маури с головы на ноги и не предположить, как мы уже делали выше, что католическая оппозиция постаралась создать свое собственное контр-собрание из различных текстовых источников? Это представляется столь же вероятным. Очевидно, все подобные рассуждения остаются научными предположениями, не поддающимися в настоящее время проверке, как допускает Буркитт. Но почему идентификация Маркиона как первого собирателя немислима даже для Нокса, который подходит к ней так близко? Мы можем подумать только, что Гатри говорит за многих: "невероятно, что еретик должен быть первым, кто оценил значение Корпуса Павла" (644). Руки — руки исторической критики, но голос — голос апологетики Евсевия.

Дебаты об архетипе

Рассмотрев несколько различных теорий о том, как Корпус Павла возник первоначально, теперь мы должны уделить некоторое внимание спорному вопросу, восходят ли все наши тексты посланий Павла к конкретному, определенному изданию Корпуса и насколько отклоняются от него. Мы не задаемся вопросом, существовали ли когда-нибудь различные собрания Павла или различные древние издания. Почти каждый согласится с тем, что существовали. Но заменило ли одно из них все остальные, чтобы сформировать основу для всех ныне существующих рукописей? Или наши рукописи восходят к нескольким, хотя и весьма сходным, изданиям Корпуса Павла? Давайте рассмотрим некоторые предположения об определенном архетипе.

Г. Зунтц решил, что лучший способ объяснить текстовую традицию Павла, так сильно различающуюся во второстепенных подробностях, но не имеющую различий в главном, состоит в том, чтобы установить компиляцию определенного, содержащего различные варианты издания через столетия после написания оригинальных писем. В то время это было бы обширным копированием отдельных писем, положившим начало вариантам, каталогизированным в образце. Единственной традицией древней науки, способной к созданию такого критического текста, была александрийская, и Зунтц не видел никаких особых причин, которые могли бы помешать совершению этой операции непосредственно в Александрии. Зунтц также полагал, что смог идентифицировать несколько глосс, введенных в текст александрийскими учеными. Более поздние писцы, изготовлявшие копии полученного текста, были не столь аккуратны (педантичны?), чтобы потрудиться отметить различные чтения, но, как некоторые современные перево-

дчики Библии, просто выбирали в каждом случае одну из альтернатив и продолжали. Таким образом, это издание несло семена своего разрушения в себе самом. Ф. Ф. Брюс, в основном, принимает реконструкцию Зунтца. Мы увидим, что другие думают иначе.

Вальтер Шмитальс, известный своим разделением большинства Посланий Павла на гипотетические ранние фрагментарные письма, принял старую теорию Иоханнеса Вайса, что самое раннее собрание писем Павла должно было начинаться с 1 Коринфянам (кафолицизирующая глосса в 1:2 представляет весь Корпус более широкому кругу читателей) и заканчиваться Римлянам (великая доксология в 16:25-27, опускающая занавес над более широкой, вселенской сценой). Шмитальс не включал в оригинальное семичастное собрание Ефессянам, Колоссянам и Филимону, так же, конечно, как и более поздние Пастырские послания. (Возможно, а la Тробиш, это были два независимых трехчастных собрания, позднее приложенных к оригиналу). Число семь было важно для компилятора/собирателя, так же, как для Иоанна Патмосского, Игнатия и Евсевия, собирателя писем Дионисия Коринфского, потому, что "выражало оригинальное и прекрасное единство" (261). Корпус предназначался, чтобы поддержать истину кафолической ортодоксии против гностической "ереси".

И это была та символическая скованность (ощущавшаяся и другими собирателями писем), которая заставила компилятора сшить вместе различные фрагменты Павла. Он не мог оставить ни одного драгоценного отрывка на полу монтажной и поэтому, всеми правдами и неправдами, вложил их все. Этот сценарий действует и для антигностической полемики, которую Шмитальс находит в каждом письме. Конечно, он не думает, что Павел был Джо Маккарти первого столетия, ищущим гностика под каждым кустиком. Скорее, это редактор был заинтересован включить что-нибудь из антигностической полемики Павла в каждое из семи писем.

Шмитальс чувствует, что Колоссянам, Ефессянам, и Филимону не демонстрируют признаков определенной руки редактора и поэтому не могли принадлежать оригинальному собранию. Шмитальс знает, что Гудспид и Нокс, также призывающие аналогию других раннехристианских семичастных собраний, пытаются втиснуть и эти три, комбинируя пары писем Коринфянам и Фессалоникийцам, но говорит, что, чтобы продолжить и соединить Филимону и Колоссянам в одно письмо, нужно засунуть квадратный клин в круглое отверстие. Шмитальс указывает, что ключевыми являются не письма к семи церквям (ни Ignatiana, ни собрание Дионисия не соответствуют этому образцу, некоторые письма были к людям, другие более чем к одной конгрегации), а скорее семь писем к церквям. Таким образом, Шмитальс предвосхитил критику Гэмбла ("The Redaction of the Pauline Letters and the Formation of the Pauline Corpus", 1975), что это должны были быть семь писем к семи церквям, чтобы символизм имел хоть какой-то смысл. Возможно и так, но не говорите об этом Шмитальсу, скажите компиляторам писем Дионисия и Игнатия.

Что до места и времени, Шмитальс одобряет предложенное Гарнаком место создания компиляции в Коринфе и думает, что это произошло уже к 80-ым годам. Первый собиратель был и редактором, и он завещал нам наш архетип.

Винсом Монро (*Authority in Paul and Peter*, 1983) доказала с большой изобретательностью и вниманием и к общим критериям, и к конкретным деталям, что все наши копии посланий Павла восходят к особому образцу, который, в отличие от Зунтца и Шмитальса, она не отождествляет с оригинальным собранием. Она демонстрирует существование обширного и систематического набора текстовых вставок во всем Корпусе Павла так же, как и в 1 Петра (долго считавшегося, так или иначе, неким дополнением паулинизма). Эти интерполяции выделяются и своей близостью социально-политической позиции и набожному квиетизму Пастырских посланий, и своим противоречием со многими элементами апокалиптического эгалитаризма и сектантского радикализма в других письмах Павла. Монро рассматривает массу предшествующих критических исследований этих раздражающих "текстов покорности" и отмечает, что достаточ-

но часто ученые склонялись считать тот или иной отдельный текст (например, Рим. 13:1-7; Еф. 5:21-33; 1 Кор. 11:1-16; 14:34-38) возможной интерполяцией. Монро соединяет все эти предположения и изолирует критерии для того, чтобы идентифицировать то, что она называет "Пастырской стратой", и раскрывает еще больше отрывков того же типа. Эта страта

происходит не от первоначального собирателя и редактора корпуса писем Павла, но от различных кругов в более поздней стадии христианской истории. Более поздняя страта, вместе с Пастырскими Посланиями, будет, поэтому охарактеризована как "пастырская", или третья-Павлова ... ее область — римский эллинизм первой половины второго столетия, когда христианское движение было жертвой спорадических преследований, но, однако надеюсь, что при императорах-Антонинах сможет получить от римских властей признание и терпимость (2).

Но пастырский редактор не мог быть ни первым собирателем, ни тем, кто переиздал Корпус новым изданием после периода забвения. В любом из этих случаев, уверена Монро, пастырский корректор намного свободнее вырезал бы остающиеся элементы неприятного ему Павлова радикализма. "Неизбежное заключение — десятичастное собрание уже было в обращении ко времени пастырского пересмотра. Это означает, что оно было принято от оппозиционной группы и пересмотрено, чтобы противодействовать ее влиянию" (141-142). Деннис Р. МакДональд высказывает почти такое же положение, хотя и в кратком очерке, *The Legend and the Apostle* (1983, 85-89). Он, также, видит руку пастыря в редактировании того, что стало для нас архетипом текста, хотя, по-моему, его профиль подразумеваемых противников более убедителен, чем у Монро. Он делает их пестрым сборищем христианских радикалов-энкратитов, тогда как Монро более узко говорит о иудео-христианских аскетах.

Давайте кратко напомним себе о Тробише: его теория, конечно, следует архетипическому Корпусу, поскольку его метод в значительной степени зависит от исследования порядка писем Павла в существующих рукописях. Он отмечает, что различные списки канона имеют нетипичный порядок, но никакие фактически существующие рукописи такого порядка не имеют. И он приписывает порядок, по крайней мере, Римлянам, 1 и 2 Коринфянам и Галатам Павлу. Сам Павел редактировал это собрание и обеспечил архетип. Тробиш оставляет безответным (даже незадаанным) вопрос, существовали ли другие собрания, сделанные после смерти Павла христианами, неосведомленными о пачке копий, которую он послал в Эфес. Если да, то они, должно быть, пользовались копиями неотредактированных версий писем Павла. Какое издание должно считаться более авторитетным?

Если Зунтц, Брюс, Шмитальс, Монро, МакДональд и Тробиш полагают, что единственное издание архетипа стоит за всеми существующими рукописями, их соглашение внушительно, но ни в коем случае не непрекаемо. Многие, включая Курта Аланда и Гарри Гэмбла, придерживаются противоположного взгляда. Аланд высказывается по вопросу так:

мнение, что в конце первого столетия был собран однородный "Ur-Corpus" семи Посланий Павла, к которому восходят все более поздние свидетельства, является только "фантазией принятия желаемого за действительное"... примерно до 90 года несколько "Ur-Corpus'ов" Посланий Павла стали доступны в различных местах, и... эти собрания, в той или иной степени, могли включать некоторые из или все следующие: 1 и 2 Коринфянам, Евреям, Римлянам, Галатам, Ефессянам, Филиппийцам. В конечном счете, другая традиция Посланий Павла была добавлена к этим нескольким собраниям и, наконец, появилось более или менее

устойчивое собрание (в Patzia, 89).

В нескольких публикациях Гэмбл озвучил по существу те же самые интуиции. И все же нельзя вообразить, что Аланд и Гэмбл предполагают радикально разнообразную текстовую традицию: напротив. В целом они считают, что поток традиции текста тек чисто и без отклонений. Это походило на того ученика раввина Иоханнана бен Закхья: замазанная цистерна не потеряла ни капли. Никакой архетипический *Ur-Corpus* не был необходим, чтобы гарантировать преданную передачу текста, и, таким образом, чтобы теоретически объяснить почти полное единогласие текстов, ничего не нужно. Гэмбл говорит:

Таким образом, если традиция текста Павла восходит к многочисленным источникам, важным вопросом для редакционных гипотез [подобных гипотезе Шмитальса], является факт, что формы писем Павла остаются по существу теми же во всех известных свидетельствах. Кроме случая Римлянам [с его пространным и кратким окончаниями], традиция не сохраняет никакого текстового свидетельства, что какое-либо из писем когда-нибудь существовало в формах, отличных от форм, в которых знаем их мы. Случай Римлянам представляет собой исключение, которое доказывает правило: когда текстовые пересмотры имели место, они оставили свои следы в свидетельствах. (1975, 418)

Другими словами, есть достаточно вариаций текста, чтобы показать, что не было однородного и универсального архетипа (когда все тексты согласуются полностью), но ни в коем случае нет вариаций текста, достаточных, чтобы указать на существование значительно отличающихся форм текста.

Но другим ученым представляется вполне возможным и даже наиболее вероятным, что ранние, краткие (не интерполированные) версии писем Павла, возможно, когда-то существовали и все же не сумели оставить никаких следов в рукописной традиции. Есть два фактора, различных, но совместимых, которые Аланд, Гэмбл, Цан и их собратья игнорируют. Представляется вероятным, что сначала, в процессе раннего, неофициального обращения, так же, как в ходе создания местных собраний писем или "нескольких *Ur-Corpus 'ov*" Аланда, что писцы, сравнивая пространные версии с более краткими версиями того же самого послания, согласовали их всегда в пользу более пространного чтения. Маури поняла это: "Новое собрание получило большой спрос и вскоре вытеснило все остальные издания, все еще находившиеся в обращении. Но копии писем, в той форме, в которой они циркулировали по отдельности в местном масштабе, выживали здесь и там и прямо или косвенно оставляли свой след в рукописной традиции... Их дополнения текста выжили; их пропуски имели тенденцию исчезать" (86).

Подобно Нокс:

...как только книга была официально принята в определенной форме, старшие формы, лишённые такого церковного одобрения, имели тенденцию исчезать. Рукописи постепенно, и довольно быстро, приспособивались к "правильному" тексту. Процесс никогда не становился полным, и, таким образом, у нас есть различные местные тексты, достаточно явно появляющиеся в начале третьего столетия. Они, однако, относительно незначительно отличаются друг от друга; и это верно, но не потому, что автографам так преданно следовали в конце первого и начале второго столетия, а скорее напротив, потому, что официальные издания и публикации полностью изгнали автографы (если они еще сохранялись) и их списки с поля (1942, 131).

Уильям О. Уокер ("The Burden of Proof in Identifying Interpolations in the Pauline Letters",

1987) не удивлен, что нет рукописного свидетельства для интерполяций, которые критики идентифицируют на литературных основаниях: "Действительно, если реальной целью собирателя-редактора было включить все доступные письма Павла, как кажется, по крайней мере, вероятным, его тенденция почти неизбежно состояла в том, чтобы допустить ошибку на стороне включения, но не исключения. Кроме того, нарочитые или небрежные интерполяции, возможно, были введены до заключительного редактирования писем. Также, конечно, нужно отметить в этом контексте хорошо известную практику копирования глосс в текст более поздних рукописей" (612).

В своем *The Recovery of Paul's Letter to the Galatians* (1972), Дж. С. О'Нейл предвидит возражение ..., что мы могли бы ожидать, что больше текстов, чем Маркион и D, покажет последовательные тексты [то есть, без стихов, которые О'Нейл предлагает исключить как глоссу]. Мой ответ — писцы в целом предпочли бы переписать самый длинный текст, не желая утратить что-нибудь драгоценное. Каждое дополнение должно было быть переписано, даже если по смыслу оно зависело от упущения, чего писец не желал принимать [ср. копии Марка, содержащие и пространное, и краткое окончания]. Это означает, что [например,] *Codex Vaticanus*, фактически, хранит следы всей истории текста. Эта история не может, однако, быть прочитана из *Vaticanus*, без свидетельства других рукописей, которые прошли иной путь. (36)

Другое соображение, которым пренебрегают Аланд и Гэмбл — возможность официального церковного подавления более ранних кратких или иначе "ненормативных" форм текста. Винсом Монро рассуждает об этом в понятиях более или менее добровольного согласия в пределах ортодоксальной структуры:

Хотя епископская власть еще не была, вероятно, твердо установлена в Эгейской области [во время пастырской редакции], поддержать стандартный текст в пределах ортодоксальных кругов было возможно. Принятие этого церковного авторитета влекло за собой приверженность священным писаниям и принятым редакциям священного писания, а отказ или уклонение означали изгнание. (143)

Подумайте об отвращении, с которым фундаменталисты встретили дебют Revised Standart Version. Конечно, ни одного нельзя было заставить в церкви ни с чем, кроме Кинг-Джеймса!

Аналогично сектанты-"еретики" не стремились разделять свои чтимые версии священного писания с религиозными противниками, и, таким образом, ни одна сторона, вероятно, не боялась заражения текста. Когда эти секты исчезли, их священные писания были похоронены вместе с ними: свидетельством этого является, например, исчезновение священных писаний богомилов или катаров.

Уокер предполагает немного более позднюю ситуацию, в которой присвоенная власть могла бы оказаться недостаточной:

Мы знаем только, что сохранившийся текст писем Павла — это текст, выдвинутый историческими победителями в теологической и церковной борьбе второго и третьего столетий. Текст Маркиона исчез — без сомнения, еще один пример хорошо известной практики подавления и даже уничтожения тех текстов, которые некоторые христиане расценивали как несовершенные, дефектные, ненормативные или опасные. Короче говоря, представляется вероятным, что нарождавшееся католическое лидерство в церквях "стандартизировало" текст

корпуса Павла в свете "ортодоксальных" представлений и методов, подавляя и даже уничтожая все ненормативные тексты и рукописи. Итак, поэтому у нас нет никаких рукописей, датирующихся ранее, чем третьим столетием; поэтому все существующие рукописи замечательно сходны в большинстве своих существенных особенностей. (614)

Нельзя не задаться вопросом, не являются ли критические теории, подобные теориям Гэмбла и Аланда, Цана и Гарнака, Мецгера и Фи, просто современными попытками охранить официально санированную текстовую традицию в интересах того же самого церковного учреждения, которое произвело текст, столь ревниво ими охраняемый?

Заключение

Составляя подобный этому обзор, едва ли можно избежать некоторых собственных предварительных выводов. Здесь я возьму на себя смелость поделиться ими. Большинство из них уже не удивит.

Определенное использование Римлянам и 1 Коринфянам, сопровождаемого позже продолжением 2 Коринфянам, как энциклик, представляется весьма вероятным, так же, как и местный обмен и обращение других писем. Так или иначе, вопрос авторства не играет здесь большой роли. В ходе этого процесса интерполяции постепенно проникали в традицию текста каждого письма, пока заключительная канонизация пастырского издания (и параллельное уничтожение его конкурентов) не положили всему этому конец.

Первым собирателем Посланий Павла был Маркион. Никто, о ком мы знаем, не был бы лучшим кандидатом, и уж конечно не вымышленные по сути Лука, Тимофей и Онисим. А Маркион, как показали Буркитт и Бауэр, полностью соответствует всем требованиям. Вероятно, он же — автор Лаодикийцам, *Vorlage* Ефессянам.

Маркион использовал ныне утраченный *Ur-Lukas* и объединил его со своим десятичастным Корпусом Павла, чтобы сформировать *Апостоликон*. Как ясно воспринял Нокс, наш канонический Лука стремился вытеснить Евангелие Маркиона, дополняя домаркионитский *Ur-Lukas* различным новым, кафолицизирующим и антимаркионитским материалом. Канонический Лука преуспел в этой попытке (вновь пространное замещает краткое). И, а la Нокс, Деяния Апостолов (с их Павлом, клоном Петра, не пишущим никаких писем, а только доставляющим их Двенадцати), были предназначены заменить опасный Корпус "апостола еретиков". Но, как Иаков, Деяния смогли только узурпировать первородство у Исава (даже сегодня искусно управляя тем, как исторические критики читают Послания Павла). Корпус Павла выжил рядом с ними.

Единственная модификация, которую я сделал бы в реконструкции Нокса, это учел бы предположение Джерома Д. Куинна, что автор Луки-Деяний был автором и пастырских посланий, и что он имел в виду трехстороннюю работу, по образцу современных собраний документов об известной личности, заключающихся письмом или собранием писем этого великого человека. Тогда Лука-Деяния-пастырские послания были бы "трехчастным трактатом", противостоящим Священному Писанию Маркиона, а Пастырские послания должны были вытеснить более ранние письма. Я подозреваю, что отредактированное Ефессянам и 3 Коринфянам первоначально были подобными "диатессаронами", стремившимися, но не сумевшими заменить маркионитский Корпус Павла. (Я должен отметить, что Нокс, конечно, считал пастырские послания пост-Маркионовыми и антимаркионитскими; он только не группировал их с Лукой-Деяниями.)

Поскольку Корпус нельзя было устранить, «план Б» состоял в том, чтобы переиздать его в санированном издании, одомашненном с помощью пастырской страты. После этого уничто-

жить конкурирующие версии писем Павла стало легче. Были добавлены Евангелия Марка и Матфея, а затем, как только оно подверглось "церковной редакции" (Бульман), как Лаодикийцам и *Ur-Lukas*, и Евангелие Иоанна. Интересно, что так же, как Деяния с обеих сторон приковали Павла к римской охране, так и "самые еретические" из писаний Нового Завета сопровождаются с обеих сторон бдительными кафолическими стражами: Иоанн заключен между Лукой и Деяниями, письма Павла между Деяниями и пастырскими посланиями. Они не должны подбросить никакой неприятности!

В конечном счете, неподписанные Соборные Послания были ложно приписаны Апостолам-столпам, чтобы еще сильнее растворить голос Павла. Была даже попытка изготовить безвредную замену для маркионитского Лаодикийцам, но оно не смогло завоевать признания, хотя и смогло ввести в заблуждение Гарнака.

Замечу, наконец, что идея собрания Павла служит некой аллегорией чтения (Paul de Man), или, скорее, аллегорией письма, для настоящей статьи. Когда некто оказывается в роли Онисима или Маркиона, он собирает все различные теории о происхождении Корпуса, сопоставляя и известное, и неясное, соединяет их и, наконец, пишет собственное Лаодикийцам/Ефесянам, эту статью, чтобы представить свое собрание более широкой аудитории.

Литература:

- Archer, R. L., "The Epistolary Form in the New Testament," *Expository Times*, LXIII (1951-52). 296ff.
- Bauer, Walter, *Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity*, Robert Kraft and Gerhard Krodel (eds.). Philadelphia: Fortress Press, 1971. English trans. of *Rechtgläubigkeit und Ketzerei im ältesten Christentum*, 1934, 1964.
- Burkitt, F. C., *The Gospel History and its Transmission*, Edinburgh: T. & T. Clark, 1906, rpt. 1925.
- Clabeaux, John J., *A Lost Edition of the Letters of Paul: A Reassessment of the Text of the Pauline Corpus Attested by Marcion*, The Catholic Biblical Quarterly Monograph Series No. 21. Washington, D. C.: The Catholic Biblical Association of America, 1989.
- Dahl, Nils, "The Origin of the Earliest Prologues to the Pauline Letters." *Semeia* 12 (1978) pt. 1, 233-77.
- "The Particularity of the Pauline Episodes as a Problem for the Ancient Church." In *Neotestamentica et Patristica: Eine Freundesgabe Herrn Professor Dr. Oscar Cullmann zu seinem 60. Geburtstag*. NovT Sup 6. Leiden: Brill, 1962, 261-71.
- Deissmann, Adolf. *Bible Studies*. Edinburgh: T. & T. Clark, second ed., 1909.
- Detering, Hermann, *Paulusbrieve ohne Paulus?* Frankfurt: Peter Lang, 1992.
- Elliott, John H. Review of Winsome Munro, *Authority in Paul and Peter*, *Religious Studies Review*, Vol. 10, No. 1. (January 1984), 71.
- Gamble, Harry. "Canon." In *The Anchor Bible Dictionary*, vol. 1, A-C; David Noel Freedman, editor-in-chief. NY: Doubleday, 1992.
- *The New Testament Canon*. Philadelphia: Fortress Press, 1995.
- "The Redaction of the Pauline Letters and the Formation of the Pauline Corpus." *JBL* 94 (1975), 403-18.
- *The Textual History of the Letter to the Romans*. Grand Rapids Eerdmans, 1977.
- Goodspeed, E. J. *The Key to Ephesians*. Chicago: University of Chicago Press, 1926.
- *The Formation of the New Testament*. Chicago: University of Chicago Press, 1926.
- *The Meaning of Ephesians*. Chicago: University of Chicago Press, 1933.
- *New Chapters in New Testament Study*. Chicago: University of Chicago Press, 1937.
- *New Solutions to New Testament Problems*. University of Chicago Press, 1927.
- Guthrie, Donald. *New Testament Introduction*. Downers Grove: Inter-Varsity Press, 1961, rpt. 1970.
- Harnack, Adolf. *Die Briefsammlungen des Apostels Paulus*. Leipzig: Hinrichs, 1926.
- Harrison, P. N. *Polycarp's Two Epistles to the Philippians*. Cambridge University Press, 1936.
- Hoffmann, R. Joseph. *Marcion: On the Restitution of Christianity: An Essay on the Development of Radical Paulinist Theology in the Second Century*. AAR Academy Series 46; Chico: Scholars Press, 1984.
- Knox, John. *Philemon Among the Letters of Paul: A New View of its Place and Importance*. NY: Abingdon Press, 1935; rev. ed. 1959.
- *Marcion and the New Testament: An Essay in the Early History of the Canon*. Chicago: University of Chicago

Press, 1942.

Lake, Kirsopp. *The Earlier Epistles of Paul*. London: Rivingtons, 1911.

MacDonald, Dennis Ronald. *The Legend and the Apostle: The Battle for Paul in Story and Canon*. Philadelphia: Westminster Press, 1983.

Mitton, C. Leslie. *The Formation of the Pauline Corpus of Letters*. London: Epworth Press, 1955.

Moule, C. F. D. *The Birth of the New Testament*. NY: Harper & Row, 1962.

Mowry, Lucetta, "The Early Circulation of Paul's Letters," *JBL* 63 (1944), 73-86.

Munro, Winsome. *Authority in Paul and Peter: The Identification of a Pastoral Stratum in the Pauline Corpus and I Peter*. NY: Cambridge University Press, 1983 .

O'Neill, J. C. *The Recovery of Paul's Letter to the Galatians*. London: S.P.C.K., 1972

Patzia, A. G. "Canon." In *Dictionary of Paul and His Letters* (eds.) Gerald F. Hawthorne, Ralph P. Martin, Daniel G. Reid. Downers Grove: Inter-Varsity Press, 1993. 85-92.

Quinn, Jerome D. "The Last Volume of Luke: The Relation of Luke-Acts to the Pastoral Epistles." In *Perspectives on Luke-Acts*, ed. Charles H. Talbert, 62-75. Perspectives in Religious Studies, Special Studies Series No. 5. Danville, VA: Association of Baptist Professors of Religion, 1978.

Schenke, Hans-Martin, "Das Weiterwirken des Paulus und die Pflege seines Erbs durch die Paulusschule," *NTS* 21 (1975) 505-18.

Schmithals, Walter. *Paul and the Gnostics*; Eng. trans. of Paulus und die Gnostiker by John E. Steely. NY: Abingdon Press, 1972.

Trobisch, David. *Paul's Letter Collection: Tracing the Origins*. Minneapolis: Fortress Press, 1994.

van Manen, W. C., "Old-Christian Literature." In *Encyclopaedia Biblica* (ed.) T. K. Cheyne. London: Adam and Charles Black, 1914. cols 3471 -3495.

"Paul," *ibid*. cols. 3603-3606, 3620-3638.

"Romans (Epistle)." *ibid*. cols. 4127-4145.

von Campenhausen, Hans. *The Formation of the Christian Bible*. Eng. trans. of *Die Entstehung der Christlichen Bibel*, trans. by J. A. Baker. Philadelphia: Fortress Press, 1972.

Walker, William O., Jr.. "The Burden of Proof in Identifying Interpolations in the Pauline Letters." *NTS* 33 (1987) 610-618.

Zahn, Theodor. *Introduction to the New Testament*, vol. 1, 1909, rpt. 1977. Minneapolis: Klock & Klock Christian Publishers.

Zuntz, G. *The Text of the Epistles: A Disquisition upon the Corpus Paulinum*. Oxford: University Press, 1953.